

КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Усиление важности Азии в мировой экономике

Китай все еще остается в большой степени просто Средним Царством. Хотя это не Среднее Царство всего мира, он является им, по крайней мере, в Азии, где все увеличивается важность более развитых экономик и более образованных обществ. Поэтому вопрос стоит не об одном Китае, а о том, идет ли Азия с Китаем во главе к тому, чтобы взять власть над миром. Некоторые думают, что все так и есть, и даже если это не является намерением и целью правящих там элит, то все равно является логикой исторического процесса. Если принять эту интерпретацию, то остается всего 90-100 лет до окончания периода доминирования Запада и захвата этой доминирующей позиции Востоком. Предположительно, это должно случиться в начале XXII века (Моррис 2010).

Растущая сила Азии – это гораздо больше, чем Китай. Объем производства и численность населения быстро растут. На континенте в целом живут почти 4 миллиарда 500 миллионов человек; это примерно 60 процентов мирового населения и около 55 процентов населения за пределами Среднего Востока, который часто рассматривается отдельно по геополитическим причинам¹. Это огромное население производит 47,3 процента валового мирового продукта, ВМП – немногим больше, чем Европа и Северная Америка вместе взятые. Если смотреть с немного другой точки зрения, то это на целых восемь процентов больше, чем США и Евросоюз вместе взятые. В будущем и доля населения Азии, и доля

¹ По оценкам население Среднего Востока составляет около 450 миллионов человек, если мы включаем в эту часть земного шара также и Египет в Африке, население которого составляет 97 миллионов человек (на территориально относимом к Азии Синайском полуострове живет около 1,4 миллиона человек), и Кипр с всего 1,2 миллиона жителей. Вместе с этими двумя странами Средний Восток – территориально полностью расположенный в Азии, кроме маленькой европейской части Турции, площадью 23 764 квадратных километра – является местом проживания примерно 350 миллионов человек. Это общее количество населения Саудовской Аравии, Бахрейна, Ирака, Ирана, Израиля, Йемена, Иордании, Катара, Кувейта, Ливана, Омана, Палестины, Сирии, Турции и Объединенных Арабских Эмиратов.

производства будут расти дальше благодаря естественному приросту и более высоким темпам экономического роста, чем во всем мире. Нужно понять, что было время, когда доля Азии в мировом производстве составляла свыше 60 процентов – фактически на протяжении всех столетий предыдущего тысячелетия до примерно 1820 года, мощного начала промышленной революции в западном мире. В 1950 году ее доля составляла менее 20 процентов, но двух поколений оказалось достаточно, чтобы этот показатель увеличился более, чем в два раза.

До того как промышленная революция приобрела большие масштабы вначале в Англии и вскоре после этого в Западной Европе, и до того как Среднее Царство повернулось спиной к миру и закрылось от него, Китай двести лет назад давал почти треть производимой в мире продукции. Ужасающей внутренней политики на протяжении жизни пяти или шести поколений и неблагоприятных внешних условий, включая британские и японские колониальные практики, оказалось достаточно для такого полного драматизма опускания вниз по шкале столетие назад, когда доля Китая опустилась ниже 5 процентов. В таком случае неудивительно, что некоторые авторы пишут о возвращении Китая на международную арену, потому что он на ней уже был (Холай 2011).

А теперь небольшое отступление. Я много лет пытаюсь избежать тавтологии при использовании термина «глобализованный мир», но кажется, что мои усилия не принесли плодов. Эта ошибка часто повторяется и в повседневной речи, и в научной литературе! Мир глобален по определению, это земной шар (globe на английском), поэтому мир не может быть глобальным (или всемирным), и не может глобализовываться, поскольку он всегда был таким. Глобализация происходит в экономике, торговле, движении капитала, передаче технологий, а также касается рабочей силы, хотя и со значительными ограничениями по культурным, социальным и политическим причинам, также глобализация происходит и

вне *строго* экономической сферы – и касается таких великолепных вещей, как культура, и ужасающих, как терроризм. Глобализация – это исторический и спонтанный процесс либерализации, за которой по пятам идет интеграция, превращая прежде по большей части изолированно функционировавшие национальные экономики и местные товарные рынки в один огромный, взаимозависимый и переплетенный рынок капитала, товаров и рабочей силы, имеющий мировые масштабы (Колодко 2002а и 2002б). Глобализация имеет и микроэкономический аспект, связанный с взаимодействием производства и обмена, путем включения в процесс производства и распределения компаний из многих стран, все еще считающихся национальными экономиками, хотя процесс управления во все большей степени осуществляется в наднациональных масштабах (Шиманский 2004 и 2011).

Азиатский континент очень разнообразен – культурно, политически и экономически – в особенности, если смотреть на него буквально. Территориально он простирается от Турции и Израиля на западе к Японии и русской Сибири с Камчаткой и Чукоткой на Дальнем Востоке. Кроме азиатской части России, которая обычно не включается в расчеты по Азии, четыре основные части континента – это Китай и Япония, и две региональные интеграционные группировки – АСЕАН в Юго-Восточной Азии², в которой не преобладает ни одна из экономик, и СААРК в Южной Азии³, где доминирует Индия, которая является региональной супердержавой, если брать численность населения (1,28 миллиарда жителей), экономику (доля в мировом производстве составляет 7,4

² Страны-члены АСЕАН – Ассоциации государств Юго-Восточной Азии – это Бруней, Филиппины, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Вьетнам. В них живет около 650 миллионов человек (8,7 процента от всего человечества), и они производят примерно 10,5 процента валового мирового продукта (при расчете на основании паритета покупательной способности, ППС).

³ Страны-члены СААРК – Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии – это Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Непал, Мальдивы, Пакистан и Шри-Ланка. В этих странах проживает около одного миллиарда 770 миллионов человек (почти 24 процента от всего человечества), которые производят примерно 13,7 процента валового мирового продукта (при расчете на основании ППС).

процента на основании паритета покупательной способности, ППС) и вооруженные силы (расходы на оборону составляют 2,5 процента от ВВП).

Из двенадцати стран, население которых превышает сто миллионов человек, целых семь – Китай, Индия, Индонезия (261 миллион), Пакистан (206), Бангладеш (159), Япония (126) и Филиппины (105) – находятся в Азии⁴. Мы пропускаем евразийскую Россию, в которой живет 142 миллиона человек, из которых только четверть проживает в азиатской части. Вскоре, уже в этом десятилетии, к ним присоединится еще одна страна – Вьетнам (97 миллионов жителей в 2018 году). Также стоит добавить, что в этой группе стран население уменьшается только в Японии; там с каждым годом становится все меньше и меньше жителей, и в то же время наблюдается старение населения. Срединное значение составляет аж 47,3 года, это означает, что половина населения старше указанного возраста. Однако общество в Индии молодое (срединное значение составляет 27,9 года), как и в Бангладеш (26,7). Это очень важные сравнения, потому что стареющие общества лишены так называемого демографического дивиденда, который влияет на поставку рабочей силы на рынок труда. По этой причине, *ceteris paribus [при прочих равных условиях – лат.]*, в будущем можно ожидать более высоких темпов экономического роста в Индии, чем в Китае.

Из двадцати экономик, доля которых в мировом производстве превышает один процент, девять – Китай, Индия, Япония, Индонезия, Турция, Южная Корея, Саудовская Аравия, Иран и Таиланд – находятся в Азии. Поэтому, размышляя о будущей роли Азии – ее демографическом потенциале и культуре, политической важности и, кроме всего прочего, экономическом влиянии – следует учитывать, что это почти самый крупный регион в мире во всех отношениях.

⁴ Другие страны, население которых превышает 100 миллионов человек, – это в порядке уменьшения США (327 миллионов), Бразилия (208), Нигерия (191), Россия (143), Мексика (125) и Эфиопия (196). Вскоре к этой группе не азиатских стран с большим населением присоединится Египет.

На самом ли деле все уже так плохо (на Западе) и так хорошо (на Востоке), что американцы вынуждены идти на нешуточные протекционистские меры, чтобы спасти свою шкуру? Или, может, китайцы уже что-то замышляют и используют глобализацию для того, чтобы мир оказался под их игмом? Эпоха азиатского доминирования уже началась, а евро-атлантическая цивилизация отходит на второй план? Нам на самом деле нужно первым учить китайский, а потом английский?

Новый Шелковый Путь

Несомненно, что абсолютное положение Китая – экономическое и, соответственно, как в случае большой страны, политическое и военное – и его влияние на то, что происходит в мире, укрепляются и растут (Хуань 2017). Положение дел останется таким же в обозримом будущем, потому что этот процесс нельзя остановить, тем более повернуть назад мирными методами – о других речи вообще не идет. Все остальные должны это признать, несмотря на собственные интересы и предубеждения. Конечно, Китай не отвернется от мира и не запретится в деструктивной автократии, как сделал однажды в прошлом.

Размер страны имеет свои преимущества, но это также и проклятие. Норвегия или Новая Зеландия, Канада или Австралия, Чили или Малайзия, Тунис или Болгария не мучаются бессонницей из-за силы и власти, потому что им не грозит стать великими державами. Они должны поддерживать или обеспечивать благополучие своих граждан, и этого достаточно. В отличие от них, Китай, как США и Россия, а в меньшей степени также Индия и Япония или Франция и Великобритания, а также Бразилия и Нигерия в региональных масштабах, должны демонстрировать величие как экономически, так и политически и в военном плане. Только страны типа Сингапура или Коста-Рики могут позволить себе пацифистскую ориентацию, но ни в коем случае Китай или США.

Нужно сделать прыжок в будущее и пытаться примириться с остальными, в дополнение к поиску правильного места в постоянно меняющемся мире. Сегодня это должно быть несколько проще, поскольку некоторые процессы идут в противоположном направлении, если сравнить с прошлым. С одной стороны, Китай постоянно привлекает производственные мощности западных корпораций, в этом случае переходя на их высокие технологии, и одновременно все больше и больше размещает свое производство за границей, в этом случае уже имея в распоряжении современные производственные технологии. С другой стороны, прямые инвестиции более богатых стран все еще идут в Китай, но также и в другие экономики, не только азиатские, где заработные платы ниже, чем в Китае. Их бенефициары включают, среди прочих, Индию и Пакистан, Вьетнам, Камбоджу, Бангладеш и Мьянму. К этому процессу добавляются последствия продолжающегося повышения курса китайской валюты. Она укрепляется, так что заработная плата в, скажем, 3 тысячи юаней в месяц, – это примерно 475 долларов, в отличие от того, что было несколько лет назад, когда для половины номинальной заработной платы, 1500 юаней, при обменном курсе в 8,2, было достаточно 183 долларов. С увеличением расходов на производственный персонал, которые в последнее время растут на 20 процентов в год, и повышением курса валюты Китай прекращает быть таким конкурентоспособным, как когда-то. Процесс, который ранее затронул такие страны как Япония, Сингапур, Южная Корея, Тайвань, а также, хотя и в меньшей степени, Малайзию и Таиланд, снова повторяется⁵.

⁵ Подобные процессы происходят и в других частях света, также они идут и в постсоциалистических экономиках Восточной Европы, самые развитые из которых могут во все меньшей степени конкурировать с низкими заработными платами. Например, средняя валовая месячная заработная плата в Польше в декабре 2017 года в промышленном секторе колебалась в районе 1450 долларов, что в то время объяснялось высоким курсом валюты. Эти данные относятся к компаниям, в которых свыше девяти сотрудников, так что соответствующее значение для всей экономики может быть даже на несколько сотен долларов ниже.

Более того, в случае США и других высокоразвитых экономик на Западе можно отметить сдерживание и подавление тенденции к аутсорсингу и вынесению предприятий в оффшорные зоны. Это происходит в тех случаях, когда низкая стоимость рабочей силы играет относительно малую роль в общих расходах на производство и продаже определенной продукции. Есть поразительные расчеты, демонстрирующие, что в цене айпада от Apple, с памятью 16 Кбайт, который продавался на ранке США за 499 долларов в 2010 году, стоимость китайской рабочей силы составляла всего 8 долларов, или 1,6 процента (Крамер, Линден и Джейсон 2011), хотя, возможно, и больше, потому что расчеты включают категорию «неидентифицированные» расходы на рабочую силу, и таким образом предполагается, что это расходы за пределами США и за пределами Китая. В такой ситуации – и перед лицом политического давления с призывом прекратить «экспорт рабочих мест в коммунистический Китай» – производитель может прийти к выводу, что даже если будет платить в пять раз больше за тот же труд, то товар будет иметь маркировку «Сделано в США» (и не нужно будет беспокоиться об аутсорсинге и оффшорах) и собираться под Сан-Франциско, а не рядом с Шанхаем. Экономические расчеты никуда не исчезнут и не перевернутся с ног на голову, но политическая концепция будет «выправлена».

На этот раз бросаемый Китаем вызов не исходит из прошлой попытки экспортировать революцию – к счастью, неудачной – а в первую очередь из экспорта товаров, и, что важно, капитала. Он сопровождается различными сделками, связанными с этим вызовом, которые усиливают китайское присутствие по всему миру. Это можно увидеть в международной статистике, но также и невооруженным глазом во время путешествий по различным частям света. Однако не сразу заметными и при этом очень важными являются далеко идущие, серьезные последствия различных инфраструктурных проектов, финансируемых в обмен на

долгосрочные, стратегические контракты на поставку сырья. Это особенно ярко выражено в Африке и Латинской Америке, но все еще остается относительно маломасштабным в Центральной Азии, на Среднем Востоке, в Восточной Европе и – что очень важно и интересно – в русской Сибири. В будущем здесь произойдут радикальные перемены, и грандиозная программа, представляемая как «Новый Шелковый Путь», будет играть в этом ключевую роль. Это одно из названий, обиходное, программы, получившей официальное название «*Один пояс – один путь*» (ОПОП), в последнее время ее чаще называют *инициативой «Один пояс – один путь»*. Это проект по значительному инвестированию в инфраструктуры, которые предназначены для расширения торговли между Китаем и его иностранными партнерами на западе, юге и севере. Программа нацелена на сотрудничество с несколькими дюжинами стран в Азии, на Среднем Востоке, Севере, а также в Восточной Африке, Центральной и Восточной Европе.

Что такое инициатива «Один пояс – один путь»? Это политика или институт? Или, может, организация или структура? Я думаю, что лучше всего говорить об этом, как предложили сами китайцы – как об инициативе. Или проекте. За всеми проектами всегда стоят два «и»: идеи и интересы. Так дело обстоит и сейчас, хотя на этот раз, в отличие от того времени, когда председатель Мао хотел экспортировать коммунистическую революцию, идеи находятся на заднем плане. Хотя некоторые спорят, что Китай намерен проводить идеологическую и политическую экспансию в другие страны, определенно, речь идет не о том, чтобы побуждать других следовать китайским путем или даже навязывании китайской экономической и политической модели, а об экономических причинах. Да, в некоторых регионах, через которые проходит Новый Шелковый Путь, например, странах Центральной Азии – где, кстати, старый Шелковый Путь прекрасно процветал и оставил свой

отпечаток несколько столетий назад – система с китайскими чертами может показаться более привлекательной, чем западная либеральная демократия, но в Центральной и Восточной Европе она едва ли кого-то вдохновит.

Китайские политики и экономисты подчеркивают необходимость продолжения глобализации, и в этом нет ничего странного, потому что она принесла им больше пользы, чем кому-либо другому. В то же самое время они подчеркивают необходимость смены характера и нынешнего курса процесса глобализации. Поэтому мы столько и слышим о «трансформации глобализации», которая должна быть инклюзивной и справедливо распределять результаты наднационального сотрудничества во всех областях: от экономики и окружающей среды до безопасности и технологий, а затем науки и культуры. В этом контексте на первый план выдвигается важность такого инструмента как инициативы «Один пояс – один путь». Эта инициатива предназначена для того, чтобы трансформировать глобализацию в ее нынешней форме, отвергаемую многими, в глобализацию, которая станет более полезной для общества, в глобальных масштабах, чем то, что предлагал Запад. И именно поэтому некоторые страны, скорее вне пределов Запада, возлагают на нее большие надежды, в то время как другие, на Западе, высказывают определенные опасения. Первым любопытно, что эта «глобализация с китайскими чертами» может им принести, а последние, вероятно, предпочли бы это не испытывать на себе, и есть еще те, кто с интересом наблюдают, что из этого выйдет...

Вторая «и» – это интересы, и они четко выходят на передний план. Это большой бизнес, потому что в том, что касается размеров, это гигантский проект, хотя его масштабы еще не полностью известны, даже в Пекине. Говорят, что инициатива «Один пояс – один путь» охватывает 65 азиатских, европейских и африканских стран, в которых проживает свыше

60 процентов мирового населения на 38,5 процентах его территории. Торговля между этими странами составляет 35 процентов мирового товарооборота; их валовой продукт – это 30 процентов мирового производства, а бытовое потребление – это 24 процента того, что потребляет все человечество.

Инициатива «Один пояс – один путь» как инструмент инклюзивной глобализации

Как подчеркивают китайские власти, инициатива «Один пояс – один путь» создает великолепные возможности для сотрудничества в пяти областях:

- культурный обмен через продвижение межличностных отношений и сотрудничества;
- координация политики через планирование и поддержку крупных проектов по развитию инфраструктуры;
- финансовая интеграция через усиление координации валютной политики и двустороннего сотрудничества в финансовой сфере;
- торговля и инвестиции через поддержку межстрановых инвестиций и сотрудничество в цепях поставок;
- *взаимосвязь производственных мощностей* путем создания мощностей, которые позволяют контактировать вдоль пояса и пути.

Хотя в названии проекта использовано слово «путь», он четко не прочерчен его авторами. Нет никаких официальных карт, которые показывали бы, куда предположительно должна вести эта дорога, поэтому возможна большая гибкость при его прокладывании. Разрабатывается специальная картография. Конечно, в странах, которые преднамеренно включены в проект, путь должен проходить по их территориям. На карте

инициативы «Один пояс – один путь» также имеется 12 африканских портов, из которых 10 расположены за пределами Египта, единственной страны этого континента, включенной в проект. И в этом-то все и дело: кто кого включал и на основании чего это делалось?

Конечно, их включал Китай, хотя правила не полностью понятны. Это захватывающая геополитическая и геоэкономическая игра, цели которой не определены четко, а правила не полностью ясны. Имеется много игроков; предположительно, карты уже раздали, но никто не знает, все карты или нет. И ведется ли игра только на столе или некоторые карты также передают под столом. Кто чем рискует и ради какого большого гипотетического выигрыша? Политические декларации остаются туманными и, конечно, полны заверений о доброй воле инициатора, но во многих местах в Евразии – и других местах – они вызывают различные размышления, сомнения, подозрения, беспокойство. Экономические цели только очерчены, и невозможно сформировать четкое мнение о том, что и почему, где и когда, на чьи деньги будет построено и как этим будут управлять. И именно так идет эта неограниченная временем игра.

Приглашенные участники ждут ее с нетерпением, надеясь, что присоединение к проекту на этом этапе не будет для них ничего стоить, и, может быть, со временем они получат от него даже значительную экономическую пользу. Угрозы репутации также нет, потому что, несмотря на усиливающиеся атаки Запада на Китай, необходимость сотрудничества с ним очевидна. Таким образом никто не отказался от участия в проекте, даже страны, у которых в последнее время были не самые лучшие отношения со Средним Царством, например, Вьетнам и Филиппины. Необходимо особо подчеркнуть, что только Китай может себе позволить такой гигантский проект, о котором он сам по себе объявил и который инициировал таким образом.

Если бы Соединенные Штаты Америки предложили что-то подобное, назвав, предположим, «*Великие Америки*», и составили карту территории, протянувшейся от Аляски до Огненной Земли, то у этого плана был бы фальстарт, потому что, определенно, некоторые из стран Карибского бассейна и Латинской Америки, такие как Гаити и Венесуэла, не получили бы пользы от подобного *dictum* [авторитетное заявление – лат.]. Если бы Европейский Союз объявил, предположим, о *Евро-Африканском проекте*, без проведения должной организационной работы *ex ante* [до события – лат.], то некоторые из постколониальных стран могли бы отказаться от участия в этом предприятии. Только Китай может себе позволить такой проект, к которому с большой готовностью и без каких-либо предварительных условий присоединятся Пакистан и Индия, Польша и Россия, Израиль и Сирия, Мьянма и Бангладеш, Саудовская Аравия и Иран, Непал и Бутан.

При взгляде на карту первым в глаза бросается географический критерий. Почти все страны Азии, вся Центрально-Восточная Европа втянуты в проект, а также Египет, поскольку что же это будет за дорога, если в нее не включен Суэцкий канал? Азия почти вся, но при этом по политическим причинам две Кореи и Япония не включены. Так получилось, потому что невозможно было подписать одну только Южную Корею в то время, когда на Северную Корею наложены суровые санкции, поэтому Китай решил избежать обвинений в сотрудничестве с режимом в Пхеньяне. Япония была исключена, потому что отношения с богатой Японией у Китая не самые лучшие, и с ней пришлось бы вести переговоры по поводу инициативы «Один пояс – один путь», но, к сожалению, сложившаяся атмосфера этому не способствует. Финляндия и Греция отсутствуют на краю карты, потому что это Западноевропейские страны, а с другой стороны нет Папуа – Новой Гвинеи, потому что это уже «Австралия и Океания». Поэтому, из-за специфической политической

корректности и простоты включения на карту, на ней представлены страны, через которые, как предполагается, пойдет Новый Шелковый Путь, то есть их суша и прибрежная морская полоса. Среди них есть такие страны как Восточный Тимор или Бахрейн, Македония и Эстония, хотя наиболее вероятно, что никакие верблюды не отправятся в том направлении и поблизости не проплывет ни одна джонка.

По сути Китай никого не спрашивал, хотят ли они быть включенными в проект. Вначале подписали тех, кто нужен самому Китаю – и, кроме упомянутых выше исключений, Китай в дальнейшем об этом объявил. Однако если кто-то не включен в список, это не означает, что они совсем пропущены, например, Греция. Греция является членом НАТО и входит в Европейский Союз – тем не менее порт Пирей, большая часть которого находится во владении китайского капитала, отмечен⁶.

Официально страны Латинской Америки не приглашали присоединиться к инициативе «Один пояс – один путь», но инициаторы проекта называют их «естественным расширением» и «необходимыми участниками» предприятия. Другими словами, Китай действует как обычно, все больше и больше инвестируя в Латинскую Америку, и содействует своим компаниям, поощряя их проникновение на эти рынки, в отличие от их соседа на севере, который открыто препятствует подобным движениям – это происходит из-за поведения Дональда Трампа, который оскорбляет некоторые из них, в особенности Мексику и Сальвадор. В то же самое время, когда американский Президент в типичном для него стиле говорил, что сказал что-то другое, а не то, что сказал *de facto* [фактически – лат.] – на этот раз на Всемирном экономическом форуме в Давосе через год после выступления китайского Президента – китайский министр

⁶ Это еще один парадокс, но все дело в давлении Запада, в особенности так называемой Большой Тройки, то есть Европейской Комиссии, Европейского Центрального Банка и Международного Валютного Фонда, которые считают, что Греция должна улучшить свое финансовое положение также путем приватизации государственной собственности, и они подтолкнули правительство в Афинах к продаже порта Пирей. Инвестором оказалась китайская судоходная корпорация COSCO.

иностранных дел Ванг Йи присутствовал на собрании всех 33 стран, входящих в Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, СЕЛАК (на испанском: *Comunidad de Estados Latino americanos y Caribeños*) и выступил против торгового протекционизма, а также предложил региону «Стратегию общей пользы и общей прибыли» (Экономист 2018).

Фактически никто точно не знает, сколько, где, когда и как китайцы собираются инвестировать в землю, а также морские пути при осуществлении проекта «Новый Шелковый Путь». В поступающей информации циркулирует цифра четыре триллиона долларов, которая должна впечатлить всех, даже в самых богатых странах, которые находятся несколько дальше, в конце пути, например, во Франции и Великобритании, потому что это больше, чем их ВВП. Неудивительно, что в обеих этих странах праздновали прибытие грузового поезда из Китая, который прошел долгий путь, используя уже существующую инфраструктуру, но также сигнализируя о необходимости ее модернизации и расширения, о чем и говорится в концепции Нового Шелкового Пути. То же самое происходило и в Польше, когда в июне 2016 года грузовой поезд прибыл из Китая, и его на платформе в Варшаве приветствовали Президенты Анджей Дуда и Си Цзиньпин, который совершал официальный визит на берега реки Вислы. Также неудивительно, что политики из Западной Европы, которые посетили Пекин в начале 2018 года – Президент Франции Эммануэль Макрон в январе, а месяц спустя британский премьер-министр Тереза Мэй – говорили о торговле и инвестициях больше, чем о безопасности и международных отношениях. Все хотят оказаться среди получателей струи из четырех тысяч миллиардов долларов, пусть хотя бы небольшой части...

В слаборазвитых странах Китай вносит большой вклад в инфраструктуру для усиления человеческого капитала – школы и

университеты, поликлиники и больницы. Для этой цели они используют льготные кредиты, которые нередко частично погашаются и превращаются в гранты. В случае осуществления проектов часто оказываются задействованы крупные китайские строительные компании, поэтому не удивительно, что они становятся магнатами в мировых масштабах. Если посмотреть на геополитическую карту миру с этой точки зрения, довольно легко заметить, что Китай в особенности активен там, где провалился Запад. Когда-то, в колониальные времена, Запад вместо того, чтобы помогать, эксплуатировал, а потом, в неоколониальные времена, обманывал вместо сотрудничества, а недавно, во время глобализации, иногда вместо того, чтобы создавать области позитивной совместной деятельности, он исключал кого-то из участия в процессе.

Интересно то, что Китай также активен там, где провалился Советский Союз, в особенности Россия, как его основная часть. Это разочарование все еще отбрасывает длинную тень на политику и экономику, а также культуру и менталитет в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Может, география и история пошли своим путем, но у современных интересов своя повестка дня, которая четко видна в регионе, где находятся эти постсоветские Центрально-Азиатские республики. В этом очень интересном регионе – который ни в коем случае не настроен автоматически на поддержание политической стабильности и устойчивого развития – у нас имеется уникальная смесь, он находится на перекрестке глубоко въевшихся черт, являющихся результатом русского, азиатского и исламского влияния, а также советского наследия. Теперь ко всему этому добавилось китайское влияние, а также и влияние западных стран. Последнее объясняется, с одной стороны, важностью региона в борьбе против международного терроризма, щупальца которого достигают этих земель, а, с другой стороны, богатыми энергетическими ресурсами, которые важны и принимаются в расчет во всем мире.

Кстати, стоит отметить, что географическое положение, которое экономика и политика не выбирают, может быть благословением, как в случае Швейцарии, зажатой между Германией, Францией, Италией и Австрией, а может быть и проклятием, как испытал на себе Ирак, который находится между Ираном, Турцией и Саудовской Аравией. Необходимы политические навыки и умение внедрять выгодные национальные стратегии для социально-экономического развития, чтобы определить, смогут ли постсоветские республики в Центральной Азии, которые занимают важное место на Новом Шелковом Пути, также использовать этот аспект своего положения себе на пользу, или другие воспользуются этим преимуществом и станут использовать их. Если кто-то находится в зоне, где за влияние конкурируют Китай и США или Европейский Союз и Россия, от этого можно как многое потерять, так и многое выиграть. Однако для того, чтобы это случилось, в первую очередь нельзя позволять себе антагонизм по отношению друг к другу, а также во взаимоотношениях с этими великими игроками на мировой арене.

Мировая экспансия Китая

Хотя очевидно, что Китай вносит активный вклад в уменьшение бедности и поддерживает социально-экономическое развитие, Китай по этой же причине подозревают и даже обвиняют в дурных намерениях, идеологической индоктринации и политической коррупции. Если бы дело обстояло так, даже частично, то это не изменило бы того факта, что такая стратегия помогает другим экономикам, находящимся на более низком уровне развития, в борьбе за освобождение от экономической зависимости. И если это угрожает балансу влияний, то вместо непродуктивной критики китайской экспансии лучше усилить собственную поддержку с богатого Запада и прагматично переориентировать пути и направления

международных организаций, находящихся под превалирующим влиянием Запада.

Нет ничего неразумного или опрометчивого – на самом деле как раз наоборот – в том, что вместе с экспортом капитала и товаров Китай также «экспортирует» часть своих хороших навыков из сферы «мягкой» инфраструктуры. Это именно те хорошие практики, о которых мы так любим говорить в науке об управлении (Цесьлик 2016). Как и в самом Китае, так и в других странах даже самые быстрые поезда не могут ходить без должных правил дорожного движения, а более образованный персонал автоматически не обеспечивает социально-экономический прогресс, и в еще большей степени это не может привести к успеху в экономиках, которые являются отсталыми по сравнению с китайской. Поэтому они могут и должны у них учиться. Знание и навыки в настоящее время являются особо ценным «товаром». Я поставил это слово в кавычки специально, потому что буквально речь идет не о товаре, который означает продукт человеческого труда, предназначенный для обмена на рынке, а в этом случае часто речь идет о нефинансовых трансферах.

Благодаря стипендиям десятки тысяч иностранных студентов живут в Китае, получают знания в областях, которые являются предпочтительными с точки зрения внешней экспансии Китая. Я читал лекции в Пекинском университете группе из 40 иностранных студентов-стипендиатов, все они приехали из «развивающихся» стран, самыми развитыми из которых были Турция и Казахстан. Почти все они, за исключением полинезийца из Тонги и мужчины с Багамских островов Карибского бассейна, были гражданами стран, которые оказались на Новом Шелковом Пути или, если страна находится в Африке, по тем же причинам остаются в сфере интересов Среднего Царства. Здесь нет совпадений.

Китай также использует свое присутствие и растущую активность в международных организациях, в особенности, Всемирном банке, ВБ,

Международном Валютном Фонде и Азиатском банке развития, АБР, для того, чтобы влиять на институциональные решения, направления и проведение политики развития в странах, в которые эти организации направляют свою финансовую помощь и которым предоставляются профессиональные консультации. Влияние Китая ни в коем случае не оказывается сильнее западного влияния, в особенности во ВБ и МВФ, но все чаще можно наблюдать, как в страны, освобождающихся от экономической зависимости, посылают китайских экспертов от той или иной международной организации, и все чаще можно почувствовать «китайский дух».

За всем этим следует дипломатическое наступление. В настоящее время в Китае работает 166 посольств, и столько же его посольств открыты по всему миру. На одно больше у США, 167. Однако вскоре Китай обгонит их по этому показателю, как только еще одна страна, пока признающая Тайвань представительством Китая, изменит свое мнение. Как остатки холодной войны, самой первой, все еще работают 20 посольств Тайваня: как и следовало ожидать от острова, шесть из них действуют в островных государствах Тихого океана, а пять – в зоне Карибского бассейна, пять в Центральной Америке и одно в Южной Америке, два в маленьких африканских странах и в Ватикане. Со временем – когда произойдет реинтеграция Китайской Народной Республики и Тайваня (потому что она обязательно произойдет) – именно у Китая будет больше всего дипломатических представительств в мире. В настоящее время, если учитывать не только посольства, а и все дипломатические посты, то их у Китая 268, а у США 273. Для сравнения следует упомянуть, что у России 242 поста, а у Франции 266.

Китай является крупнейшим или вторым по объемам торговым партнером примерно 80 стран. Поэтому неудивительно, что происходящее там в большой степени определяет то, что происходит в других местах в

мировой экономике. Экспорт Китая составляет 2,2 триллиона долл. США, адресатом номер один являются Соединенные Штаты Америки (18,2 процента), за ними следует (не учитывая Гонконг, где КНР продает 13,8 процента своих экспортируемых товаров) Япония (6,1 процента), Южная Корея (4,5 процента) и Германия с немного меньшей долей. Что касается импорта, то он на примерно 425 миллиардов долларов меньше, здесь на первом месте идет Южная Корея (10,0 процентов), за которой сразу же следует Япония (9,2), Германия (5,4) и Австралия (4,4 процента). И только после них США, экспорт из которых в Китай меньше австралийского. Обратите внимание – потому что это интересно – что на Новом Шелковом Пути отсутствуют две соседние страны, Южная Корея и Япония, из которых в Китай идет до пятой части экспорта. В некоторой степени это также объясняется тем, что это высокоразвитые страны, и у них имеется собственная развитая инфраструктура.

Зависимость от китайской экономики является многопоточной и уходит гораздо дальше прямых экспорта и импорта. В специализированной литературе по предмету даже появился неологизм – *индекс синозависимости*, то есть показатель, отражающий изменения в фондовом индексе S&P 500⁷, зависящие от рейтинга 135 компаний, которые в него включены и получают доходы от операций в Китае (Экономист 2012). Китайская экономика растет, котировки на фондовых биржах растут – и наоборот. Когда в 2009-2012 годах, отмеченных мировым кризисом, *индекс синозависимости* увеличился на 130 процентов, индекс S&P 500 увеличился на более чем 50 процентов. Другими словами, если бы не продолжение китайского бума, экономическое положение и положение на биржах, которые отражают его во многих других странах, включая самые

⁷S&P 500 – это фондовый индекс, который принадлежит компании Standard & Poor's и ею же составляется, значение определяется по котировкам на Нью-Йоркской фондовой бирже и Национальной Ассоциации фондовых дилеров США, в корзину включено 500 предприятий, имеющих наибольшую капитализацию, по большей части американские.

развитые, было бы значительно хуже. Поэтому, если кто-то желает Китаю зла, это означает, что он желает плохого себе.

Вывод

Китай выступает за глобализацию и одновременно указывает на необходимость ее большей инклюзивности, признает, что невозможно обойтись без снижения масштабов коммерческого и финансового дисбаланса в мировой экономике, больше, чем некоторые высокоразвитые страны заботится об экологическом равновесии (хотя ранее внес свой вклад в его разрушение), и медленно встает на путь экономической политики, предлагаемой новым прагматизмом (Колодко 2014, Балтовски 2017, Гэлбрейт 2018). Там едва ли существует неолиберализм, коррупционная составляющая капитализма постепенно уменьшается (хотя и медленно), а идеи и мнения, связанные с новым прагматизмом, множатся (Ху 2018).

Китай может существенно помочь при формировании желательного будущего, снижая растущие глобальные угрозы и риск огромной катастрофы, выходящей гораздо дальше экономической сферы. А эта угроза реальна, если, с одной стороны, можно было перенаправить экономику на неолиберальные рельсы *в обычном режиме*, а, с другой стороны, невозможно контролировать эскалацию нового национализма. Однако можно надеяться, что ничего из этого не случится, и в большой степени это произойдет благодаря Китаю⁸.

⁸ Статья основана на отрывках из книги «Czy Chiny zbawią świat?», Издательский дом Prószyński i S-ka, Варшава, 2018.

Литература

- Балтовски М. (2017), *Эволюция экономики и новый прагматизм* Гжегожа В. Колодко, Рабочие документы Исследовательского института TIGER, № 136 (http://www.tiger.edu.pl/Baltowski_Evolution%20of%20economics%20and%20the%20new%20pragmatism%20of%20Grzegorz%20W.%20Kolodko_III%202017.pdf).
- Цесьлик Дж. (2016), *Предпринимательство в развивающихся экономиках: усиление его вклада в социально-экономическое развитие*, Palgrave MacMillan, Houndmills, Басингстоук, Гэмпшир.
- Экономист (2012), *Беспокойство тинэйджеров*, Экономист, 25 августа (<http://www.economist.com/node/21560890>).
- Экономист (2018), *Китай идет в Латинскую Америку*, Экономист, 3 февраля (<https://www.economist.com/news/americas/21736192-asian-giant-taking-advantage-other-powers-lack-interest-region-china-moves>).
- Гэлбрейт Дж.К. (2018), *Застойная экономика и новый прагматизм: институты и эволюция в поисках устойчивой экономики*, Серия «Рабочие документы Исследовательского института TIGER», № 138 (январь 2018 года), Университет Козьминского, Варшава (<http://www.tiger.edu.pl/TWP%20No.%20138%20--%20Galbraith.pdf>).
- Ху Б. (2018), *Инициатива «Один пояс – один путь» и трансформация глобализации*, Серия «Заслуживающие внимания лекции», Университет Козьминского, № 26 (<http://www.tiger.edu.pl/publikacje/dist.htm>).

Хуань Й. (2017), *Разгадывание китайской головоломки: почему расхожее мнение об экономике неправильно*, Издательство Оксфордского университета, Нью-Йорк.

Колодко Г.В. (2014). *Новая парадигма, или экономика и политика будущего*, *Acta Oeconomica*, Том 64, № 2, с. 139-160.

Крамер К.Д., Линден Дж., Дедрик Дж. (2011), *Разбираемся со стоимостью в глобальных сетях: айпад и айфон от Apple*, Рабочие документы Центра индустрии персональных компьютеров, Центр индустрии персональных компьютеров, Калифорнийский университет, Ирвайн, июль (http://pcic.merage.uci.edu/papers/2011/value_ipad_iphone.pdf).

Моррис И. (2010), *Почему Запад правит – пока: примеры из истории и что они показывают относительно будущего*, Profile Books, Лондон.